

Александр Бугров

Стихотворения

Александр Бугров

Стихотворения

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Бугров
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Б90

Дизайн серии: Сергей Труханов

А. Бугров
Б90 Стихотворения. — М.: Воймега, 2015. — 48 с.

ISBN 978-5-7640-0165-4

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© А. Бугров, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

От составителя

За последний два-три десятка лет русская поэзия сильно изменилась. Границы самого понятия «поэзия» расширились почти до бесконечности, и, как следствие, выработался совершенно новый литературный этикет.

Никто не запрещает авторам работать «по старинке», но если стихотворец сочиняет так, как будто не было открытий (внушительный список имён с некоторыми вариациями), он неизбежно попадает на литературную обочину.

Кто же захочет быть заведомым аутсайдером?

Желающие, как ни странно, находятся.

Проще всего такое литературное смирение можно объяснить очень рациональными соображениями. Путь к успеху не только утомителен, но и слишком очевиден и общедоступен. Сегодняшняя интернет-активность — не менее тупое и плебейское занятие, чем вчерашняя бегодня по журналам, — не лучше ли сосредоточиться на сочинительстве, а не на выработке стратегий? При таких вводных автор создаёт поэтику не по моде, а исходя из собственных предпочтений.

Можно рассуждать и по-другому. Мейнстрим неизбежно заводит в тупик, только окольные тропки выводят на открытые пространства. И в перспективе шансы аутайдера выше, чем успешного автора. Чему немало примеров: чтобы не бросаться слишком громкими именами, вспомним, что многие сегодняшние живые классики начинали как безнадёжные маргиналы.

Александр Бугрову — 56 лет, и это всего вторая его книга. У него не было публикаций в толстых журналах, в интернете почти нет его стихов. В Костроме его знают все, но за её пределами он известен мало. И всё это — не стечение обстоятельств, а сознательный выбор поэта, размер дарования которого явно не соответствует уровню формального успеха.

Одна из главных особенностей современной поэзии в целом — нарастающее разделение труда. Есть социальная поэзия, культурная поэзия, «актуальная» поэзия и т. д. — и их пути расходятся всё дальше, как у «картуна» и «анимации». Каждое направление в обязательном порядке обрывает теориями и манифестами, без которых чувствует себя неуютно.

Стихи Александра Бугрова нельзя отнести ни к какой категории (или можно почти к любой). Подвести под них теорию о том, почему именно сегодня нужно писать именно так, — тоже не получится. Потому что это — просто поэзия, без прилагательного.

Может быть, такой могла бы стать поэзия, если бы в конце прошлого века стала развиваться по-другому. И даже стала — только на просёлочной дороге, а не на главной трассе.

Но кто знает, какая ветвь эволюции окажется в развитии вида главной, а какая побочной?

Иван Волков

* * *

Бульдог на крыше гаража,
Как над Москвой Наполеон,
Сидит и рывкает, дрожа
На весь микрорайон.
Бульдог — хорошая мишень,
Да нет рогатки под рукой.
У нас сегодня — рыбный день,
А завтра — немясной.
Вчерашний ухнул сабантуй
В похмельные тартарары.
И ветерок — как поцелуй
Двоюродной сестры.
Бульдога кто-нибудь спасёт,
И мелко заискрит потом
Взрывоопасный эпизод
Потешным огоньком.
Лучок на дне сковороды...
Молчишь как рыба ты.
А на лице твоём следы
Грядущей красоты.

* * *

Поутру на скамеечке
В парке барышня в белом
Чинно лузгает семечки,
Будто занята делом.

Слева вся территория
В шелухе, ну а справа
Шмель на книге «Теория
Государства и права».

* * *

Шевельнутся при толчке
Три аккорда в бардачке.

В чистом поле пикники
Превратились в угольки.

Где ж ты, шлейфовый эффект
Поцелуев и конфет?

Музычка пронзит насквозь.
То, что было, — не сбылось.

Правду побоку, а ложь
Приголубишь — и икнёшь.

Между телом и душой
Промежуток небольшой.

* * *

Поэт прищурился,
Почуяв вдруг
На главной улице
Нездешний звук.

И в этой музыке
Одна тоска:
Корова в кузове
Грузовика.

* * *

Юрию Бекешеву

Уголок медвежеватый
В паутине клейкой.
Бывший магазин «Двадцатый»
Стал теперь «Копейкой».

Ангел хохлится без нимба
И свистит нахально.
Ежедневно, анонимно.
Конфиденциально.

Там, где был ларёк газетный, —
Заросли крапивы.
Над забором чуть заметный
Отсвет перспективы.

Не получится на фото
Блёклой светотени.
Ретрошлягер Нино Рота
С нотами не теми.

Утра одревенелость.
Мира обветшалость.
Прошрое куда-то делось,
Музычка осталась.

Можешь, если ты счастливчик,
Путь найти окольный
Под испытанный мотивчик,
Ветерок-н-рольный.

* * *

В начале августа — добука.
Насущный зреет урожай.
С трёх грядок две корзины лука
Сушить под крышу полезай.
С утра постелены газеты
Посередине чердака,
И тестя мудрые советы
Не очень достают пока.
В окошко лучики заката
Сюда проникнут в аккурат.
Романовского маловато,
Но не сказать, что мелковат.
Порой чердак пахнёт подвалом
И тьмою поперхнётся свет.
Добра отжившего навалом:
Чего-чего тут только нет!
Костыль, картонка, рукавица,
Ракетка, Ленина талмуд,
Сомбреро (может пригодиться,
Когда поеду в Голливуд),
Утюг, кастрюля и кокарда
В опальной груде барахла.
Географическая карта
Шевелится, как полумгла.
Под запылённым самоваром
Брюссель, Женева и Бордо.
Оборван край за Гибралтаром,
Взамен Атлантики — ведро.

Подмокший запах кисло-сладкий
Над шелестящей шелухой
И за пластмассовой лошадкой
Моллюск прищепки бельевой.

Колхозная баллада

Над лугом ворон пролетит
И взмлет кверху.
Залезет в трактор инвалид,
Захлопнет дверку.

И по дороге столбовой,
По жгучим росам
Рванётся ржавый громобой
В райцентр за огненной водой
И купоросом.

Заахает народ честной
По всей округе:
Куда ж он перед посевной
И с похмелюги!

Но, лихо обогнув забор
И грязь кювета,
Бибикнет знатный комбайнёр
У сельсовета.

Пускай башка трещит, зато
Он смог подняться!
В Сосновке не живёт никто
Уж лет пятнадцать.

* * *

Сказав уборщице: «Как жарко-то!» –
В подсобку выйти королём.
Во сне охранник супермаркета
Увидит пиццу с мотылём.

Спасибо пиву и фесталости
За неподведомственный миг.
От этой станции до старости
Без остановок напрямик.

В мятежном забытьи надкушена
Горбушка смены трудовой.
Пятиминутная отдушина
С консервами над головой.

И месиво студнеобразное
В торговый зал из-под дверей
Течёт, и жижа непролазная
У ног и гуще, и черней.

* * *

Костромка вспомнится порой
И хлеба вкус ночной.
Есть первый снег, а есть второй,
Он не такой ручной.

Рукой не станешь братъ его,
А если и возьмёшь,
То превратится волшебство
В бесхитростную ложь.

Заулок, где сейчас стою,
Не оживишь мечтой.
Тут вспомнишь не любовь свою,
А влажный хлеб ночной.

Смешно чирикнул воробей,
С опаскою храбрясь...
Не позабыть руке моей
Второго снега грязь.

* * *

Виды выше по реке
Диковаты, даже слишком.
Тропки нет в березняке
К дачным брошенным домишкам.
Странно, что вообще нашли
Двери в мареве цветочном.
И несёт из-под земли
Кисловатым холодочком.
Мебели — одна кровать.
В стену воткнутая вилка.
Сколько нужно вырубать,
Чтобы сад восстановился?
Сколько нужно комаров,
Чтоб присвистнуть философски?
У затерянных миров
Затхлый запах азофоски.
Щепочка крутясь плывёт,
Да и нам пора обратно.
Путь домой как перевод
Зауми на эсперанто.

* * *

Игорю Кудрявцеву

На улице уже весна,
Капель весь день слышна.
А в огороде — тишина,
Сугробов глубина.

Давно поднадоели мне
Затеи зазывал.
Не спится по ночам весне,
А я бы спал и спал.

И за калитку лень идти
И гробить белизну.
Остановлюсь на полпути
И время потяну.

Полжизни можно простоять,
Вздыхать, как пейзажист,
Остановив минут на пять
Мгновенья едкий свист.

* * *

Полчаса пешком до сада
(Мысли будто сквознячки).
Проредить давно бы надо
И морковь, и кабачки.

Лужи к вечеру просохнут
На селищенском плато.
От работы кони дохнут,
Ну а людям — хоть бы что!

Дом родной за поворотом
Перебрался в полутень.
Где он, лучший день?
Да вот он!
Вот он — лучший в жизни день!

* * *

Лишь услышу я звуки ламбады,
Подступает какая-то муть:
Пионерские вижу отряды,
Барабанщицы головогрудь!

Сахаристых аккордов трихины
Вызывают угрюмую блажь:
Председатель совета дружины
Начинает дневной инструктаж.

Физзарядка бразильская стихнет,
Отголосок фиесты пунцов.
Мне милей хрипота «One way ticket» —
Нагловатая горсть леденцов.

За витриною комиссиионки
Ежевичник поманит зайти.
Ручеёк, волостные сосёнки
И колдобина к ним на пути.

Лучезарно готов умывальник
Дорожать в придорожной грязи,
И пыльюю цветов танцевальных
Дышит всё метров сорок вблизи.

Неизвестно, зачем берегу я
Забубённый антиквариат.
И не знаю секунду-другую,
Как вернусь без билета назад.

* * *

Слышу за спиной, как весь народ:
Раз-два, раз-два!
И кому ты нужен — лишний рот
Государства?

Полагать, что ты такой один —
Верхоглядство!
Поскорее надо, гражданин,
Закругляться!

А какой практически финал
Ждёт уродца —
Вскрытие покажет. Трибунал
Разберётся.

* * *

Ежедневно с девяти
До пяти-шести примерно
Человеку взаперти
Белым днём довольно скверно.

Скучновато одному
Календарь листать часами.
Эта роль в семейной драме
Не удастся никому.

Дочь придёт то в шесть, то в пять.
Обиходит и накормит.
А дедуля даст понять,
Что пока в приличной форме.

Целый вечер слушай бред
Про полёт к другим планетам,
Про зятяка, про лисапед,
Про премьерера с президентом.

Стойкий запах как рефрен.
Привыкаешь к аденоме.
Всем покажет старый хрен,
Кто хозяин в этом доме!

Терпеливо мнётся тьма
За дорожкой ковровой.
И похоже, что зима
Обещает быть суровой.

* * *

Обернёшься — а площади нет.
Поглядишь сквозь своё отражение
И поймёшь, что намокший брезент
Называется «дежавюжение».

От маршрутки отстал грузовик,
И пиджак, озареньем отмеченный,
На переднем сиденье возник,
Обилеченный, вочеловеченный.

* * *

Какая музыка вернёт
Слезу на бейджике дрожащем,
Чтоб нежный прошлого излёт
Настиг зачем-то в настоящем?

Кузнечик певчий, говорят,
Стал реже в ЦФО встречаться.
А он вернул бы звукоряд
И опрометчивое счастье.

И возвратилось бы оно,
Осталось навсегда со мною,
Но шага сделать не дано
За музыкою неземною.

Включаю радио — и вновь
Не то в любом диапазоне.
Я вспоминаю не любовь,
А раскладушку на балконе.

Не ревность, а народ в метро,
Сопящий перед остановкой,
Не поцелуй, а димедрол,
Запитый тёплой газировкой.

Среди штампованных руин
Мотивчик мается в просвете,
Теряется... И я один
За эту музыку в ответе.

* * *

Какая новость! Прямо бред!
Вы что, не в курсе? Неужели?
Они совсем уж обалдели —
Крутить любовь на склоне лет!

Она в платочке и в очках,
А он, ой, бабы, не могу я!
На здоровенных каблуках
И в галстук в жару такую!

Да нету совести у ней!
Ну жук — на лысине помада!
Да их в дурдом отправить надо!
Да постыдились бы людей!

Вдова из пятого подъезда,
Он — из шестого холостяк.
И дети, спрятавшись в кустах,
Их дразнят: тили-тили-тесто!

Судьбой блаженной и жестокой
Двум старикам для фона дан
Микрорайон — как зверь стокий,
Как сон, как утренний туман.

* * *

Все реки текут, только эта река пересохла.
Все люди как люди, одна только ты стрекоза
Из басни Крылова. И жаль, что такая красotka
Бессовестно врёт, лейтенантику глядя в глаза.

И он — не поймёшь — то ли верит, а то ли не верит,
И я, как нарочно, от зеркала невядалеке.
И некуда деться. Маячу в тумане, как берег,
Донельзя противный небось пересохшей реке.

* * *

На окраине помойки
Две нечаянных сирени,
А за ними старостройки
И простора серебрянье.

Корчится тропа устало,
Пропадая в чахло травье.
И любви и жизни мало,
Чтобы это стало явью.

* * *

Всю ночь собаки матерятся,
От ругани пьяным-пьяны.
Проблемы равенства и братства
И у дворняг не решены.

Навалом у собак свободы,
А воли даже через край.
Междупартийные разброды
Напоминает алчный лай.

У псов, что на цепи, немножко
Приличней и угрюмей вой.
Зато всегдашняя кормёжка
И крыша есть над головой.

Злосчастье собачьей свадьбы
От митинга не отличишь.
Сам матюгаешься — поспать бы
И услышать в округе тишь.

Огромный телевизор где-то
Включили — и теперь одно
Глядит привыкшая планета
Провинциальное кино.

Соседской Чомбы на экране
Ликующий мордоворот.
Такая техника на грани
Фантастики — что жуть берёт.

Посмотришь утром: без движенья
Барбос лежит — суров, лохмат.
И столько самоуваженья —
Как будто местный меценат.

В постели всё на всё похоже
Часов в двенадцать по ночам.
Собачий холодок по коже
От моськиных самореклам.

Поди попробуй, если плохо,
Оставив тёплую кровать,
Простуженного кабысдоха
На полуслове оборвать.

А если мимо легковушка
Проедет — сам хоть волком вой.
Собачится на всю катушку
Наш околоток, сам не свой.

Узнаешь, выслушав Джульбарса,
Как ночь родимая черна.
Сопит сердито государство,
Хрипит безграмотно страна.

Грызния идёт принципиально,
И сколько раз под эту муть,
Под этот мат я спал нормально,
А вот сегодня — не уснуть.

Закрой глаза в ненужном мраке,
Собачью слушай саранчу.
Я сам родился в год собаки,
Но я ночами не кричу.

Мат-перемат кругом собачий.
Полканы делятся с тобой
Остервенелою удачей,
Четвероногою судьбой.

Вскочить бы, крикнуть, камень бросить.
Очнёшься — затекла рука.
Рассвета лиловее просинь.
На грядке зреют облака.

* * *

Глаза налиты алкоголем,
Но гоголем в рюмку смотрю.
Подсевший заводится голем
И тянет клешню к пузырю.

Спешат привокзальные звуки
Разбиться о шлакобетон.
Глазищами цвета сивухи
С напрягом моргает фантом.

Наверно, такой же пьянчуга
С надеждой хлебнуть задарма
Обычные формы досуга
Решил довести до ума.

Мелком обозначь человечка,
Чтоб он оживал по ночам
И бредил, а выйдет осечка —
Разделишься с ним пополам.

Как клоун, снимающий маску,
Сострою гримасу не так.
Как пудель, увидевший таксу,
Проверочный выдам зигзаг.

Что взять-то с меня? Календарик
Да восемь рублей на проезд?
Сейчас он споткнется, ударит,
А может, ему надоест.

Бесформенный, полупрозрачный,
Трухлявый чудит командор.
Помпезною белой горячкой
Ответим на жёлтый террор.

Я знаю, что так не должно быть.
Над ухом свистит... перелёт.
Упавший за Кинешмой ноготь
Увидите, чем проращёт.

За антропогенным ландшафтом
Чуть слышен шумящий камыш.
В таком положении шатком
Страдают душа и престиж.

Случайного импульса метод
Сработает наоборот,
Придётся дослушать и этот
Рыганья последний аккорд.

Чего тут бояться? Не бойся.
Потопал упырь на парад.
Над ним паруса Билли Бонса,
Как пальмы, курортно шумят.

Таких позабытых наколок
Ещё не видал ни на ком.
Сомнительный опохметолог,
Идущий ко всем «Телеком».

Затихли шаги исполина.
Пошлёпал, наверно, к братве.
У ног расплзается глина,
Но можно пройти по траве.

Видений ночных фотовспышки
Скачками несутся вослед.
Что толку играть в кошки-мышки
Со страхом, которого нет?

Киношник на площади курит
Тот самый? А может, не тот.
Разборка себя не окупит.
Сейчас я зевну, кукловод.

Понервничал, правда, сначала,
А вдуматься, если бы спал,
Такая бы ночка пропала!
Да жаль — пиджачок потрепал.

Над Волгой эффект плацебальный
Подействует, как самогон.
Вот тут и закончу купальный
Не самый удачный сезон.

* * *

Двухэтажный дом у сквера.
И гуляют в доме том
Мент Серёга, мент Валера
С Котофеичем ментом.

Засветили там квартиру
Две студентки из Ельца.
Ну, захватишь им зефиру
В шоколаде и винца.

Три плюс две. Но так пикантней.
Вы любили впятером?
То что надо.
Серый с Катей
Первый, ну а Кот потом.

А Валера для Наташки
Носит красную икру.
И она в его тельняшке
Варит кофе поутру.

На столе — коньяк початый.
В общем, всё у них — о'кей!
Будь Валера неженатый,
Он женился бы на ней.

Спорить, кто сильнее любит, —
Разводить базар-вокзал.
Так нас бабы и погубят,
Пушкин правильно сказал.

В день десантника Валера
Снова злоупотребил.
— Ты, Натаха, как мегера!
— Ты, Валера, как дебил!

Он ушёл и в том же сквере
Полторахи три слупил,
После водочкой запил
И в семью к своей холере
На служебке укатил.

А Наташка — вот умора! —
Плачет: я ж его люблю!
Девушке без ухажёра
Временами хоть в петлю.

Все, конечно, как могила,
Но попользовался Кот.
Так уже один раз было —
В ночь на старый новый год.

* * *

Под мостом Мирабо тихо...
Аполлинер

Ночь приближается, как прохожий,
И сумрачный ветер заносит листвою
Мост Мирабо, так мало похожий
На автодорожный мост костромской.

Восемь мостов Мирабо в Париже.
А в Костроме полтора моста.
Можно, конечно, ещё быть ближе,
Но это неважно в пределах сна.

Да и в других пределах неважно —
Насколько банален на Волгу вид.
Пляж беззащитно приснится дважды,
И ранка зажившая закровит.

Если попробовать жить любовью,
Устанешь оглядываться на листву.
Но это во сне. А нам с тобою
Приходится жить иногда наяву.

Может, сумею запечатлеть я
Предгрозовую изнанку сна.
Листьями третьего тысячелетья
Вся Муравьёвка занесена.

* * *

Через пару часов нагота как мундир.
И похожа на тину штиблета.
Человек человеку — влюблённый Шекспир,
Но всегда забываешь про это.

Здесь у всех на виду мы с тобою одни
На горячем песочке экрана,
И капризно ржавеет в полынной тени
Арматурины фата-моргана.

* * *

До планёрки прохлада лучиста.
На стене — полуявь позолот.
Ничего из того, что случится,
По-любому не произойдёт.

Выжить, в сущности, элементарно:
Сделай шаг от стола до стола
И увидишь над миром:
«ХУСКВАРНА —
ЛЕГЕНДАРНАЯ БЕНЗОПИЛА».

С мандариновою кожурою
Никнет урна у пятой стены.
Будто демон, посмотришь порою
На распиленный мир с вышины.

Шоколадка и «Роллтон» в запасе.
Семь шагов от угла до угла.
В нашем офисе, блин, как в Техасе,
Пригодилась бы эта пила.

Трудовой суетой убаюкан,
Сочиняешь отчёт ни о чём.
И бумагами за ноутбуком
Протокольню шуршит сквознячок.

* * *

Поразлетелись купидоны,
Подсохла на цветах роса.
Так умирают телефоны,
Совсем не так, как адреса.

Один мобильник не ответит,
В другом — короткие гудки.
Похмелье землю обесцветит,
Ветрам июньским вопреки.

Полупритворную зевоту
Лелея, забредёшь на пруд.
Как Ихтиандр, посмотришь в воду —
Там головастики плывут.

Один на лодочке катаюсь,
Мираж пытаюсь подстеречь.
Колеблются, переплетаясь,
Морские водоросли встреч.

* * *

Запомнить бы, как теплы
Окрестности облаков.
Нейтральные воды мглы
Прозрачней у цветников.

В эфирной лазури вдруг
Усталый слышит пловец
Отчётливый перестук
Своих четырёх сердец.

* * *

Не этот голос пел вчера...

А. Блок

А прежде фраз при встречах междометья,
И я в тебе другую узнаю.
Люблю в тебе я прошлое столетье
И радость непонятную мою.
Вчера был день какой-то клочковатый.
Мы спрятались от ливня под навес.
И век другой — непрожитый двадцатый —
В твоих глазах девчоночьих воскрес.

* * *

Вот и солнце в небе сером
Появилось виновато.
Полушагом к полумерам
Ситуация чревата.

Неспроста ушиб колено,
И хрустят недаром чипсы.
Что-то будет непременно!
...явно что-то не случится.

Вещие повсюду знаки:
Крикнет чайка, дрогнет ветка.
Две гитары, три собаки
И четыре человека.

И страшит и забавляет
Пучеглазие покоя.
Шашлычок, собаки лают,
Люди пьют и всё такое.

Сколько пето-перепето!
Чаще надо бы встречаться.
Плохо действует примета,
Что не надо возвращаться.
И кружит в потоке света
Разноцветный пепел счастья.

* * *

Дебил, целующий УО*,
Ей шепчет на ухо ФИО
И то, что он, считай, ИО
Завклубом и завскладом.
А для неё всего важней,
Как светски говорит он с ней!
И что зовёт её своей
И пахнет мармеладом.

Он с клумбы ей сорвал тюльпан.
Она — Изольда, он — Тарзан!
Для них работает фонтан
На площади Советской.
Он машет мне рукой — хэлло!
Они вдвоём. Им повезло.
И счастья жалобное зло
В его ухмылке детской.

* УО — умственно отсталая.

* * *

У лунатика в кармане
Застоявшаяся гарь:
Невесёлые юани,
Компромиссный инвентарь.

По одной из мутных версий
Станут шелестом листвы
Из натруженных отверстий
Наши сопли и слова.

Скользок этот трудоёмкий,
Этот потный самосуд.
Ничего — туман с позёмкой
Бескорыстно помогут.

Не вздыхай, невозвращенец,
О небесной ерунде.
Лучше на луну ощерясь
Потаращись иногда.

Помяни родные нети
На астральной авеню.
Зря ты бросил всё на свете,
Чтоб вернуться на нею.

Неземному патриоту
Скоро снова двадцать пять.
Предпоследнюю природу
Можно бы и понягнать.

Кверху беспробудный пленник
Пробирается впотьмах
В тренировочных штанах
С пузырями на коленях.

* * *

Сергею Шишову

Осенью — дождь, зимою — снег.
Весною — ни то ни сё.
Так и спивается человек,
Повторяя хайку Басё,
Почему-то приставшую:
«Я теперь
Не завидую никому:
Ни рыбам, ни птицам».
Откроет дверь
И будет смотреть на тьму.
И будет пониженный гемоглобин
Тоски нагонять волну.
И тени тех, кого он любил,
Сольются в дымку одну.
И осторожно скользнёт к нему
Напрасное существо,
Из тьмы огородной в домашнюю тьму,
Мимо него, сквозь него.
А дома этих теней полно.
И что с ними делать? — беда.
И, видя опять на клеёнке пятно,
Он морщится иногда.
Любовь проходит, но каждый год
Весною по вечерам
Прежних любимых он ждёт приход,
Приняв четыреста грамм.
Любовь по-другому нельзя вернуть.
Все тени — в любой одной.
И счастье возможно когда-нибудь
Будущею весной.

Осенью — дождь, зимою — снег.
Весною — тоска вдвойне.
Так и спивается человек,
Глядя на птиц в окне.

* * *

Л. И.

Осень только до обеда,
А потом опять жара.
Допотопная «Победа»
Сохнет посреди двора.

Это ж времени машина!
Хочешь — в прошлое кати,
Чтоб в глазах замельтешило
Карнавала конфетти.

В прошлом хорошо, да только
Музыкалка, гайморит.
И всегда высоковольтка
О каникулах твердит.

В будущем — ультрамарина
Светотени на волне.
То ли пляж Парамарибо,
То ли коврик на стене.

Остановка — в настоящем.
Значит, здесь и поживём.
От извёстки пахнет счастьем
В воздухе предгрозовом.

Содержание

<i>Иван Волков. От составителя</i>	3
«Бульдог на крыше гаража...»	5
«Поутру на скамеечке...»	6
«Шевельнутся при толчке...»	7
«Поэт прищурился...»	8
«Уголок медвежеватый...»	9
«В начале августа — докука...»	10
Колхозная баллада	12
«Сказав уборщице: «Как жарко-то!»...»	13
«Костромка вспомнится порой...»	14
«Виды выше по реке...»	15
«На улице уже весна...»	16
«Полчаса пешком до сада...»	17
«Лишь услышу я звуки ламбады...»	18
«Слышу за спиной, как весь народ...»	19
«Ежедневно с девяти...»	20
«Обернёшься — а площади нет...»	21
«Какая музыка вернёт...»	22
«Какая новость! Прямо бред!...»	23
«Все реки текут, только эта река пересохла...»	24
«На окраине помойки...»	25
«Всю ночь собаки матерятся...»	26
«Глаза налиты алкоголем...»	29
«Двухэтажный дом у сквера...»	32
«Ночь приближается, как прохожий...»	34
«Через пару часов нагота как мундир...»	35
«До планёрки прохлады лучиста...»	36
«Поразлетелись купидоны...»	37
«Запомнить бы, как теплы...»	38
«А прежде фраз при встречах междометья...»	39
«Вот и солнце в небе сером...»	40
«Дебил, целующий УО...»	41
«У лунатика в кармане...»	42
«Осенью — дождь, зимою — снег...»	44
«Осень только до обеда...»	46

Александр Бугров. Стихотворения

составитель:

И. Волков

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.11.2014.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 3

Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Пробел—2000»

Тел. (495)287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Александр Бугров родился в 1958 году в Костроме. В 1980 году окончил филологический факультет Костромского пединститута имени Н. А. Некрасова. Занимался в литературной студии И. А. Дедкова; ныне руководит студией имени Дедкова при областной научной библиотеке. Автор книг стихов «Вид на Волгу» (2000) и прозы «Беспризорные сады» (2012), изданных в Костроме.